

**ВЛАДИМИР
КОРОВИН**

**ФРАГМЕНТЫ
МОИХ
ВОСПОМИНАНИЙ**

Москва
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К 68

Коровин В.

К 68 Фрагменты моих воспоминаний / Владимир Коровин. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 560 с.

ISBN: 978-5-519-02639-0

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается
без письменного разрешения автора. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN: 978-5-519-02639-0

© В. Коровин, 2014

© Книга по Требованию, 2014

ДЕТСТВО

В нижеследующем, большей частью документальном, изложении приведены отдельные, часто хронологически несвязанные, зарисовки реальных событий, а местами и мои собственные оценки происходившего. Преимущественно это события из моего детства и ранней юности, характеристики моих родственников, друзей, а также небольшие экскурсии в более зрелые годы моей жизни. Я старался быть предельно точным и не допускать ни вымысла, ни преувеличения. Не исключаю, что, сам того не зная, я и допустил некоторые неточности – память моя далеко не идеальна, к тому же кое-что я пересказываю с чужих слов, правда, слова эти произносились людьми, в честности и объективности которых я не могу усомниться.

Что касается тенденциозности в оценках людей и событий, то она, я полагаю, вообще неизбежна. Собственный взгляд человека на все происходящее и его окружающее формируется под влиянием множества обстоятельств, в числе которых врожденные индивидуальные особенности, воспитание и сложный комплекс минувших

событий и происшествий, повлиявших на мировоззрение каждого индивидуума. Сколько людей, столько и взглядов на одно и то же. Абсолютно объективного суждения, как и абсолютно беспристрастного судьи, не имеющего собственного, присущего только ему взгляда, просто не существует. Но это лишь с одной стороны, с другой – порог допустимости различий во взглядах должен присутствовать, не будь его, и факты бы ничего не значили, и моральные принципы были бы ни причём.

Из последнего соображения сформировался ещё один побудительный мотив, подтолкнувший меня к опубликованию этих воспоминаний. Общаясь со студентами, я понял, что современные молодые люди имеют совершенно превратное представление об описываемом мною времени. Они видят недавнее прошлое сквозь призму средств массовой информации. А выдаваемая этими «средствами» информация слишком далека от объективности. Более того, я бы сказал, что в ней явно просматривается желание измазать чёрной краской все советское прошлое нашей страны, не оставив там ни единого светлого пятна. А ведь на самом-то деле светлого там было много. Мы искренне любили свою страну, гордились ей, и оснований для гордости было предостаточно.

Третья и последняя оговорка, относящаяся ко всему последующему. Писателем в общечеловеческом понимании я себя никогда не чувствовал, до сих пор я писал только научные или учебные статьи и книги, что, видимо, сказалось на манере изложения и за что я приношу свои извинения.

Раннее детство

Родился я 2 сентября 1938 года в центре Москвы в роддоме им. Грауэрмана, который был рядом с рестораном «Прага», на улице Большая Молчановка, в нескольких десятках шагов от Арбатской площади. Ныне этой улицы не существует, ее поглотил Новый Арбат – «вставная челюсть Москвы», так что родильный дом оказался на этом Новом Арбате, затем и сам роддом ликвидировали, в этом доме теперь уже что-то другое. А вот Малая Молчановка, отвечавшая в свое время от Большой, осталась, и хорошо известный старым москвичам «дом со львами», в который меня принесли после «освобождения» из роддома, тоже остался. Стоит этот дом на углу Малой Молчановки и Большого Ржевского переулка и сейчас, и львы со щитами у парадного входа сохранились, но жильцы его сменились. Лет около двадцати назад в нём поселился крупный чиновник, выдвигенец Ельцина – некий Починок, и повёл себя как лисица в барсучьей норе – всех коренных жителей дома он расшвырял по задворкам Москвы, а вместо них поселил своих многочисленных присных.

Вместе с изгнанными исчез, не оставив нового адреса, и последний, обитавший в этом доме, член нашей семьи, правда, не родной по крови, – Евгений Александрович Лехнер. Ежели по правилам, то он должен быть Белавиным, но так уж получилось, и об этом позже. У нас его звали Геня. Геня воевал, дошёл до Берлина. Он командовал батареей «Катюш». После войны сменил множество жён – не везло ему с ними, наверно и жёнам его не очень везло. Доктор философии, в последнее время он был профессором, преподавал в институте, в каком – не помню. Много пил – понять можно, так как последняя его жена была не менее, чем на тридцать лет его моложе. Жив ли он сейчас – не знаю. Скорее всего, его уже нет.

В доме со львами мы жили на седьмом этаже, в большой многокомнатной квартире, но занимали часть этой квартиры, густо населённой как моими родственниками, так и кем-то ещё. Прожил я в ней сравнительно недолго, до начала войны, вернее, до того времени, когда немцы зимой 1941 года стали приближаться к Москве. Мне было в то время три года. Мама отправила меня с моей двоюродной бабушкой – Еленой Владимировной Кожевиной, двумя тётками (сестрами отца) Ефросинией Ивановной и Еленой Ивановной, а также с двумя двоюродными братьями – сыновьями Елены Ивановны, Томом и Ладькой, в эвакуацию.

Куда мы, в конечном счёте могли попасть, в то время было неизвестно никому. Мама осталась в Москве, так как была мобилизована на тушение зажигательных бомб, которые сыпались из немецких самолётов на крыши домов.

Об упомянутых родственниках и самой эвакуации расскажу позже, а пока воспроизвожу свои первые воспоминания, относящиеся к довоенному времени и началу войны. Картины эти отрывочны и туманны, с трудом располагаются в хронологическом порядке. К гениям я, как это уже установлено, не отношусь. Принято считать (не знаю, правда, кем?), что чем к более раннему времени относятся

твои первые воспоминания, тем выше твой интеллект, тем ты талантливее. Сальвадор Дали, например, утверждал, что отчетливо помнит свое внутриутробное существование. Сказать подобное о себе не могу. Даже в пелёнках себя не помню.

Первые, оставшиеся в моей памяти воспоминания, связаны с игрушками. У меня был светло-серый плюшевый кот, по величине вполне сопоставимый со мной. У кота чёрный нос и длинные чёрные усы. Он был сидячим. Издали кот мне очень нравился, но, когда его пытались дать мне в руки и передо мной оказывалась его усатая морда, я страшно пугался и начинал плакать. Выход из положения был найден – кота мне стали давать хвостом вперёд и только в этом случае я решался брать его в руки. Другой каверзной и тоже очень большой игрушкой был козёл-качалка. Козёл был белый, с бородой и ярко-красной уздечкой, меня на него сажали верхом и качали, до пола я ногами не доставал. Каверзность же козла состояла в том, что если его потянуть за уздечку – он громко блеял, и мне было страшно. И еще игрушка – заяц, он был несколько меньше меня, был не страшным, и я любил носить его в руках. Однажды я уронил его с балкона. Пока кто-то из родных спускался с седьмого этажа, заяц исчез. Это, видимо, была моя первая осознанная потеря.

Следующее воспоминание этого же времени. Тёмно-синяя гимнастёрка с ремнём и портупеей, на ремне красивая жёлтая пряжка. Что было выше и ниже гимнастёрки и ремня, – совсем не помню. Потом, значительно позже, когда я рассказывал об этой сохранившейся в моей памяти картине, мама объяснила, что тогда, будучи в отпуске, к нам приезжал с западной границы ее младший брат – Герман Георгиевич Коровин. Он был штурманом дальней бомбардировочной авиации. Погиб в первые часы войны на аэродроме под Брестом. Самолеты были не заправлены и не могли подняться в воздух. Приезжал он тогда с женой, Леной, и маленькой дочкой, Ритой. Риту

я тоже запомнил – на пелёнках лежал совсем маленький человечек со взъерошенными чёрными волосиками, мне этот человечек нравился. В памяти сохранились и еще какие-то смутные, логически и хронологически не связанные картинки, нечто вроде калейдоскопа, пересказывать их я не стану.

И последние связанные с Москвой воспоминания из раннего, но уже военного детства. Резкий, с нарастающим напряжением, звук сирены и голос из чёрного репродуктора, висевшего в углу: «Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!» Затем опять сирена и снова те же слова. Голос низкий настойчивый и требовательный. Потом я узнал, что это был голос знаменитого диктора – Левитана. Вся страна до 9 мая 1945 года вслушивалась в этот голос, он же возвестил о победе. Воздушная тревога повторялась часто. С началом тревоги я мгновенно во что-то завернутым оказывался на руках у моей тётки, Ефросиньи Ивановны – старшей сестры отца. Она бегом спускалась по лестнице, лифт, как я сейчас понимаю, тогда не работал. Потом помню какое-то ограждение, громыхающая и дергающаяся длинная штукавина (зенитная установка) и крик какого-то «человека: «Тётка, нельзя! Ты куда?!». Дальше – сидим на полу, я на коленях у Фроси, в очень большом полутёмном помещении. Бомбоубежищем служила, как я теперь уже знаю, станция метро «Арбатская», и Ефросинья Ивановна (Фрося – у нас в семье все называли друг друга по имени) каждый раз меня туда носила, проскакивая, чтобы сократить расстояние, сквозь ограждение зенитной установки на Арбатской площади. Остановить эту женщину, когда она спасала ребенка, было не просто, даже вооружённому часовому.

Далее отрывочные картины дорог эвакуации. Пароход, на котором мы плывём в Горький (Нижний Новгород). Видимо, это была нижняя палуба. Людей и всякого скарба очень много. Все сидят вплотную. Я теперь на руках у тёточки (Елены Владимировны), моей двоюродной бабки по линии